

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМ НАСИЛИЯ

В. В. Мирончуковская

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила в редакцию 7 октября 2017 г.

Аннотация: данная статья посвящена проблеме осмысления насилия в современной философии права. Анализируются основные особенности позитивного и естественного права в их взаимосвязи с проблематикой насилия в сфере международных отношений. Делается вывод о необходимости основанной на достижениях современной философии права интеграции концепции ненасилия в качестве действительного принципа международной политики.

Ключевые слова: политика, насилие, международные отношения, философия права.

Abstract: the article covers the contemporary speculations on violence in Philosophie of Law. Hear the main peculiarities of positive and natural law as well as the states of violence in international affairs are under consideration. The author concludes there is urgent necessity of integrating the concept of non violence into international politics as a counterbalance to the ecstrymes trend there.

Key words: politics, violence, international affairs, Philosophy of Law.

Современная философия права сталкивается с целым рядом исторических вызовов. Реальность всеобщей глобализации выводит на первый план вопросы осуществления эффективного международного сотрудничества в условиях постоянной интенсивной трансформации самого поля международных отношений. В этой ситуации проблематика насилия и его сдерживания с помощью международного правового регулирования становится ключевой темой исследований в общественных науках.

С точки зрения исследователя современной философии права, для адекватной интерпретации насилия в международном правовом поле необходимо прежде всего учитывать две главных теоретических оппозиции, конституирующие философскую полемику по проблемам права. Речь идет о противопоставлении естественного и позитивного права, основывающихся на различных ценностных предпосылках. Как отмечают в этой связи Е. В. Афонасин и А. Б. Дидикин: «В континентальной философии понятие естественного права выполняет роль моральной и ценностной основы жизнедеятельности человека, которая противопоставляется нормам действующей позитивной правовой системы, обеспеченным государственным принуждением. При этом естественное право выводится из божественного миропорядка (неотомизм), саморазвития абсолютного духа и объективной идеи права (неогегельянство), априорных «нормативных идей», «идеальных юридических форм» и «эйдетиче-

ского права» (феноменология права), «природы вещей» как идеальной формы, относящейся к сфере «должного» (неокантианство), «живого существования», «пограничных ситуаций» и «экзистенции» человека (экзистенциализм), «процесса исторического правопонимания», «живого исторического языка» (герменевтика) и т. д.» [1, с. 33]. Противоположное по своей направленности позитивное право, напротив, видит источник и суть правовой нормы только и исключительно в ее установлении конкретным институтом власти без отсылки к высшей ценностной реальности. Данный теоретический конфликт, давно интегрированный в структуру современной философии права и даже признаваемый в качестве позитивного источника развития этой дисциплины и основы адекватной правоприменительной практики, в условиях глобализации приобретает новые формы, заслуживающие самого пристального исследовательского внимания.

Новые пути развития международных отношений, возникающие в условиях процессов глобализации, характеризуются возрастающей степенью актуальности проблем, связанных с анализом и предотвращением насилия в данной сфере. Вместе с новыми перспективами международного сотрудничества возникают новые перспективы трансформации и применения насилия. Как отмечает в связи с этим М. В. Шугуров: «Помимо форм насилия, которые исторически инвариантны, существует особое невидимое измерение насилия. Глобализацию сопровождает такое явление, как глобализм – распространение по всему миру гомогенных, искусственно-продуцируемых стандартов, в том числе политико-правовых. Это особый вид насилия, который требует специального выявления и противодействия. Такое насилие посягает на этнокультурную и политико-правовую самобытность различных народов, затрагивает не только права и свободы народов, но и право личности на свободное самоопределение. Оно является проявлением правового нигилизма, выражающегося в отрицании права на своеобразие, в том числе своеобразие модели демократизации» [2, с. 83] .

С этой точки зрения, дихотомия между естественным и позитивным правом оказывается той линией фронта, по обе стороны от которой располагаются актуальные стратегии действующих участников международных отношений. Путь создания прецедентов международного насилия с целью последующей легитимации конкретной формы насилия в международном праве – одна из таких стратегий. Она опирается на базовую установку позитивного права, согласно которой правовая норма приобретает свой нормативный статус после того, как она была введена в действие какой-либо инстанцией, обладающей властью и авторитетом.

В то же время естественное право, опирающееся в своих предпосылках на некую высшую ценностную реальность, также не лишено перспективы использования различных форм насилия под эгидой соответствующего правового обеспечения. Представление о том, что правовые нормы восходят к высшим ценностным ориентирам, универсальным для всего человечества, может быть использовано в целях узурпации

потенциала правового воздействия в той или иной ситуации. Определенная идеологическая и политическая группа может объявить именно свое видение высших ценностей наиболее актуальным и соответствующим исторической справедливости и потребовать на этом основании исключительных полномочий в области трансформации правового поля в соответствии со своими интересами. Основой данной стратегии является попытка выдать свои интересы за всеобщие и убедить всех окружающих в том, что трансформация правового поля, в соответствии с той или иной идеологической программой, послужит ко всеобщей пользе. На практике это чаще всего приводит к реализации той или иной формы насилия, легитимированного через область права.

Однако когда речь заходит о международных отношениях, нельзя недооценивать степень опасности, подразумеваемую подобными практиками эпизодической легитимации насилия: «...Если в национальном праве применение санкций эффективно для обеспечения безопасности граждан и принятия мер против индивидуальной агрессии, то в международной сфере агрессия государств носит более масштабный характер и всегда является публичной, т. е. наносит ущерб и нарушает баланс интересов мирового сообщества. Тем самым применение международно-правовых санкций сопряжено с высокой степенью риска в отличие от естественных сдерживающих факторов, связанных с геополитическим положением государств» [1, с. 31]. Таким образом, в условиях глобализации человечество сталкивается с необходимостью выработки эффективного механизма регулирования международных отношений, исключая экспансию насилия в сфере международного законодательства. Каковы же пути выхода из сложившейся ситуации, предлагаемые современной философией права?

Большие надежды, возлагаемые в настоящее время многими исследователями, связаны с концепцией ненасилия, предлагающей перспективу решения международных противоречий политическими средствами без применения силовых решений. Позитивным моментом здесь служит то, что ненасилие, как парадигма международных отношений, уже является декларируемым принципом ООН, и всё дело заключается в том, чтобы сделать этот принцип актуальным и безальтернативным. Дальнейшие перспективы данного принципа при этом видятся в его распространении на уровень отдельных стран и региональных противоречий с целью выстраивания гуманного и эффективного правового поля при разрешении возникающих конфликтов.

При этом современная философия права видит всю опасность идеалистической трактовки принципа ненасилия, подразумевающей полное отсутствие силовых решений во всех конфликтных ситуациях. Учитывая невозможность реализации идеи «Всеобщего мира», восходящей к И. Канту и европейскому Просвещению, философия права разрабатывает более согласованное с реальными историко-политическими условиями видение этой концепции: «Ненасилие не предполагает полного исключения применения силы, которое более точно можно назвать

принуждением. Оппозиция “насилие – ненасилие” имеет конкретное содержательное оформление. Насилием признается не предусмотренное нормами международных соглашений и не санкционированное соответствующими органами применение силы. Если основополагающий принцип международного права запрещает применение силы, имеется в виду сила, которая является произволом и антагонистична по отношению к силе права. Под этим углом зрения оппозиция “насилие – ненасилие” тождественна оппозиции “сила – право”» [2, с. 81] .

В этом процессе ключевую роль играет взаимоотношение ненасилия и базовых парадигмальных правовых установок – естественной и позитивной. С точки зрения этого взаимоотношения, естественное право обладает большим потенциалом для интеграции с концепцией ненасилия на практическом правоприменительном уровне. Мы можем сделать такой вывод исходя из того очевидного обстоятельства, что в рамках естественного права ненасилие уже включено в состав высшей ценностной реальности, подразумевающей приоритет гуманизма над утилитаризмом. В то же время позитивное право в меньшей степени совместимо с концепцией ненасилия, потому что оно способно воспринять ее лишь постольку поскольку она воплощена в актуальных правовых нормах, установленных конкретным законодателем. Ведь такие нормы одни только и являются подлинной реальностью позитивного права, даже если в их “генеалогии” прослеживается некоторая институциональная преемственность: «Ганс Кельзен, стараясь установить логику, присущую нормативной системе права, в основание своей чистой теории права положил неокантианский подход. Кельзен применил в праве нечто вроде кантовского трансцендентального аргумента: его теория начинается с вопроса “Что же вытекает из факта, что люди иногда рассматривают действия или слова других людей (официальных лиц) в качестве норм, имеющих обязательную юридическую силу?”». Отдельные правовые нормы являются неотъемлемой частью нормативного суждения (например, закон имеет юридическую силу только потому, что он принят надлежащим законодательным органом, законодательный орган, в свою очередь, наделяется этими полномочиями по Конституции и т. д.). Таким образом, чтобы доказать нормативную действенность отдельной правовой нормы, следует допустить имплицитное существование всей цепочки, включая “основную норму” (Gründnorm) правовой системы (например, “надо делать то, что предписано исторически первой конституцией”)» [3, с. 215]. Нормативная действенность конкретной правовой нормы оказывается, таким образом, зависимой не от высшей трансцендентальной ценности, а от легитимности данной цепочки правовой преемственности, каждое звено которой может быть оспорено в любой удобный исторический момент с определенных идеологических позиций. Это открывает путь к правовым спекуляциям и институционализации насилия в общественной и международной практике.

Так, вопрос о нормативности правой нормы и ее основаниях становится одним из центральных при рассмотрении проблем, связанных с

выработкой эффективных международных правовых механизмов, интегрирующих концепцию ненасилия. В условиях глобализации нормативность уже не может быть сведена к определенному набору принятых в каком-либо конкретном обществе установок. Но нормативность также не может оставаться всего лишь абстрактным понятием из высшего мира ценностей, не имеющего прямого отношения к конкретной политической практике. Как отмечает В. А. Рудковский: «Весь вопрос в том, что сама нормативность права может пониматься по-разному. С точки зрения философии права, не всякая система норм, установленных государством, является правом. Нормативность права, следовательно, не может быть выведена не посредственно из деятельности законодателя, приказа суверена и т. п. позитивных фактов. Для позитивизма, напротив, именно связь с государством часто выступает в качестве решающего признака, позволяющего отграничить право от других видов социальных норм (морали, религии и т.д.)» [4, с. 12].

Вопрос о дифференциации права на фоне других форм общественного сознания имеет прямое отношение к проблематике преодоления насилия в сфере международных отношений. Если право четко дифференцировано среди других сфер общественной жизни? это позволяет осуществлять регулирование общественно значимых отношений более эффективно, поскольку такое положение дел подразумевает отсутствие вмешательства в правовое поле со стороны других культурных установок, имеющих внеправовой характер. Но в то же время четкая дифференциация права путем отделения его от общекультурного контекста данного общества или мировой цивилизации может привести к отчуждению носителей общественного сознания от правовой реальности. Область права в прямом смысле становится для людей чуждой, возникают динамики, которые в общественной мысли получили название аномии. Предпочитая внеправовые методы решения своих вопросов, члены общества открывают путь для массового вторжения насилия в сферу общественных отношений, где устанавливается в конце концов только один доминирующий правовой режим – право сильного.

Об опасности отчуждения людей от правовой сферы и от общественных смыслов, с нею связанных, писал один из наиболее крупных западных теоретиков философии права Ю. Хабермас: «Отделение от общества также вызывает невыносимые психологические напряжения между индивидуумами, напряжения, коренящиеся в самом антропологическом факте социальности. Однако главная угроза подобного отделения – это угроза отсутствия смысла. Эта угроза и есть главный кошмар, погружающий индивидуума в мир беспорядка, бессмысленности и безумия. Реальность и идентичность зловеще трансформируются в бессмысленные фигуры ужаса. Находиться в обществе означает быть “здоровым” именно в смысле быть защищенным от неизбежного “нездоровья” подобного террора аномии» [5, с. 194].

Здесь мы попадаем в своеобразный замкнутый круг. Практика институционализации насилия в международном праве и праве вообще

приводит к отчуждению людей от правовой реальности. Это отчуждение, в свою очередь, приводит к еще большей экспансии насилия в общественную жизнь. Концепция ненасилия оказывается не в состоянии остановить эту динамику, будучи оттесненной на «почетную периферию» международного права позитивным, прецедентным видением реальности международных отношений. Возникают закономерные вопросы о самом существовании области международного права как таковой. Не являются ли международные отношения областью, где безраздельно царит право сильного, завуалированное хрупкими международными договоренностями и миролюбивыми манифестами, которые существуют с единственной целью ввести противника в заблуждение и получить стратегическое преимущество? Современная философия права прикладывает все усилия к тому, чтобы такое видение международных отношений не стало, в конце концов, доминирующим и легитимным.

Одним из первых и наиболее существенных шагов в этом направлении осуществляется теми представителями современной философии права, которые концентрируют свое внимание на экспликации деструктивных для социума последствий активной институционализации насилия в правовой сфере. Так, М. J. Perry отмечает: «Consider what we might call extreme coercion: coercing someone to refrain from doing something she not merely wants to do, but believes essential to her well-being, even obligatory, that she do; or coercing someone to do something she not merely does not want to do, but believes destructive of her well-being to do, even forbidden for her to do. Extreme coercion causes extreme suffering. And extreme resentment. It can engender alienation from community, lack of respect for “authority” and the law, political instability, and the reactive repression that often attends political instability». (В пер.: «Рассмотрим то, что мы могли бы назвать экстремальным принуждением: принуждение кого-либо к прекращению действий, которые он не только хочет совершать, но верит в их необходимость и обязательность для собственного благополучия; или принуждение кого-либо к совершению действий, которые он не только не хочет совершать, но и рассматривает как разрушительные для своего благополучия, даже запрещенные. Экстремальное принуждение вызывает экстремальное страдание. И экстремальное недовольство. Это может воплотиться в отчуждение от общества, отсутствие уважения к “властям” и закону, политическую нестабильность и ответные репрессии, которые часто сопутствуют политической нестабильности») [6, p. 100].

Эти выводы справедливы не только для области правового регулирования повседневной реальности конкретного общества, но и для сферы международных отношений, где насилие, как мы показали выше, имеет совсем другие масштабы и совсем другие последствия. Реакция на «экстремальное принуждение», осуществляемое законодательными методами в сфере международных отношений, также вписывается в описанную динамику. В этом можно легко убедиться на примере истории выдвижения различных ультиматумов и внедрения репрессивных оккупационных законов на завоеванных территориях. Изучение этой истории всё с

большей ясностью подчеркивает утверждение современной философии права о том, что насилие и его институционализация с помощью инструментов позитивного права не являются эффективными стратегиями в области международных отношений.

С этой точки зрения, новую актуальность для рассматриваемой нами проблемы приобретает теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, при всей своей противоречивости способная предоставить перспективный теоретический и правовой инструментарий для решения возникающих конфликтов. Ю. Хабермас предлагает уделить самое пристальное внимание когнитивным аспектам политического диалога: «Очевидно, существует внутренняя взаимосвязь между авторитетом действующих норм и предписаний, обязанностью тех, кому адресованы нормы, выполнять предписанное и устраниваться от запрещенного, с одной стороны, и тем неличностным притязанием, с которым выступают нормы действий и предписания – с другой, – притязанием на то, что они существуют по праву и что в случае необходимости можно показать, что они существуют по праву. Возмущение и упреки, обращаемые против нарушения каких-либо норм, могут, в конце концов, опираться только на когнитивное содержание. Тот, кто высказывает такие упреки, имеет в виду, что провинившийся может при случае оправдаться, отклонив, к примеру, как неоправданное то нормативное ожидание, к которому апеллирует возмущенный обвинитель. Если мы должны что-то сделать, значит, мы имеем основания сделать это» [7, с. 76].

Такое видение возможностей ненасильственного разрешения конфликтов, опирающееся на представление о достаточной силе человеческой рациональности и достаточной воле к мирному урегулированию, является, на наш взгляд, одним из тех теоретических ориентиров, которые способны оказать определяющее позитивное влияние в процессах становления новой философии права, способной предоставить международному сообществу эффективные инструменты для ненасильственного разрешения возникающих противоречий. Разработка таких инструментов должна стать делом дальнейших исследований в области философии права.

Литература

1. *Афонасин Е. В.* Философия права : учеб. пособие / Е. В. Афонасин, А. Б. Дидикин. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2006. – 92 с.
2. *Шугуров М. В.* Идея ненасилия в философии современного международного права прав человека / М. В. Шугуров // Современное право. – 2007. – № 9. – С. 79–86.
3. *Бикс Б.* О философии в американском праве : аналитическая философия права / Б. Бикс // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Философия, социология, политология. – 2013. – № 2 (22). – С. 211–218.
4. *Рудковский В. А.* Позитивизм и естественное право (философия права) в контексте современного правопонимания / В. А. Рудковский // Философия права. – 2008. – № 5. – С. 9–16.

5. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас. – М. : Праксис, 2010. – 264 с.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 377 с.
7. Perry M. J. Morality, Politics and Law / M. J. Perry. – N. Y. : Oxford University Press, 1988. – 323 p.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Мирончуковская В. В., кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

*E-mail: bosfor4878@mail.ru
Тел.: 8 (920)245-29-73*

Yelets State University named after I. A. Bunin

Mironchukovskaya V. V., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department

*E-mail: bosfor4878@mail.ru
Tel.: 8 (920)245-29-73*